

УДК 94(4/9); 572. 9

Н.Б. Ем

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: Yem. Natalya@kaznu. kz

Опыт этнической идентификации на примере корейцев в Японии, вступающих в межнациональный брак

Данная работа была подготовлена по проекту Корейского фонда для продвинутых исследований (Международная научная стипендия 2011-2012 учебный год, Сеульский национальный университет) на тему «Социодемографический аспект межэтнических браков зарубежных корейцев (кросс культурный анализ)».

На основе теории этнической идентификации автор в данной работе изучил особенности этнической идентификации корейской диаспоры в Японии на примере межэтнических браков. Анализируя юридический статус корейского этноса в Китае, автор приходит к выводу, что этнический аспект корейской идентичности тесно связан со значением юридической национальности. Многие корейцы оставались подданными Японии даже в третьем поколении. Правила о принятии японского гражданства, которое присваивалось через происхождение и иначе, было достижимо только через натурализацию. Высокий показатель смешанных браков между корейцами и японцами – важный индикатор прогрессивной ассимиляции. Тем не менее, межнациональные браки корейцев в Японии – яркий показатель одной из сторон опыта этнической идентификации.

Ключевые слова: этническая идентичность, смешанные браки, корейцы в Японии, натурализация, этнические меньшинства, культурная ассимиляция.

N.B. Yem

The Experience of Ethnic Identification on Inter-marriages of Koreans in Japan

Based on the theory of ethnic identification of the author in this paper has researched particularities of ethnic identification of the Korean diaspora in Japan: the case of inter-ethnic marriages.

Keywords: ethnic identity, mixed marriages, Koreans in Japan, naturalization, ethnic minority, cultural assimilation.

Н.Б. Ем

Этникалық сәйкестендіру тәжірибесі, ұлтаралық некеге түсетін Жапониядағы кәрістердің мысалында

Этникалық сәйкестендіру қағидасының негізінде, автор мақаласында Жапониядағы кәріс диаспораларының этникалық сәйкестендіруінің ерекшеліктерін ұлтаралық некенің мысалында зерттеген.

Түйін сөздер: этникалық сәйкестендіру, аралас некелер, Жапониядағы кәрістер, натурализация, этника азшылық, мәдени ассимиляция.

Предметом рассмотрения данной статьи являются опыт этнической идентификации, условия существования, восприятие окружающей среды, изменения в этнической идентичности

и культурной интеграции. Объектом изучения стали корейцы, проживающие в Японии и вступающие в межнациональные браки, а также их потомки.

Само введение термина «идентификация» («identity») в связи с работами В. Тернера и Э. Эриксона по теории идентичности придало новое звучание исследованиям по национальному самосознанию и проблемам этничности [1]. В последние десятилетия в США и Европе преимущественное внимание уделяется проблемам мультикультурализма и связанным с ней вопросам смешанных браков. Однако это явление чаще всего рассматривается как межкультурное взаимодействие, включая межконфессиональное, межэтническое, межрасовое [2]. В последние годы внимание ученых стран СНГ также стали привлекать проблемы мультикультурализма и новые аспекты изучения межэтнических браков, а также межрасовых и межконфессиональных отношений, которые в СССР почти не изучались и др. [4]. Так, многие ученые указывают на вполне очевидный факт, что смешанные браки способствуют упадку этничности [3]. В ряде случаев исследователи говорят не просто о смешанной или двойственной идентичности, но об идентичности ситуационной, вкладывая в это понятие применительно к смешанным бракам особый смысл. На примере браков белых и афроамериканцев, смешанных еврейских, японских, филиппинских семей П. Спикард представляет настоящую «панораму межкультурных взаимодействий» в Америке [5]. М. Гордон в своей ставшей классической работе, посвященной ассимиляционным процессам в США, выделял культурный и структурный аспекты ассимиляции [6]. Среди других исследований следует выделить труды М. Бермана, А. Гордона, Г. Кретсера и Дж. Леона, Дж. Крона, У. Джонсона и Д. Уоррена, Д. Романо, Р. Брегер и Р. Хилл и др. Большинство этих исследований написано на конкретном материале с применением различных методов, где смешанные браки рассматриваются в рамках мультикультурного взаимодействия.

Автором был выявлен обзор историографической литературы, который поставил необходимость более подробного рассмотрения данного вопроса, так как в современной обществоведческой науке почти нет работ, специально посвященных особенностям самоидентификации корейцев в межнациональных браках, а также потомков смешанных браков. Более того, несмотря на то, что в разных странах появляются конкретные исследования отдельных аспектов смешанных браков, в науке явно ощущается

недостаток концептуальных трудов по изучению самоидентификации людей, родившихся в межэтнических браках. На уровне индивида этническая идентичность выступает как осознание принадлежности к определенной этнической группе [7]. Говоря о процессе этнической идентификации, одними из наиболее очевидных признаков существования этнической общности выделяются этноним и язык [8]. Таким образом, очерчены критерии уровня этнической идентификации корейцев, вступивших в межнациональный брак в Японии.

История появления корейцев на Японских островах уходит в начало XX века. Однако хронологические рамки рассмотрения данного вопроса очерчивают границы, начиная с 1945 года. Основная масса корейцев в Японии в этот период – это результат японской колонизации Корейского полуострова, начиная с 1910 года. После Второй мировой войны число корейцев в Японии было равно 2 млн. Большинство тех, кто был насильственно привезен в Японию в качестве трудовых ресурсов, было репатриировано в конце войны. Те, кто остались, в 1948 г. были оценены приблизительно в 590 тысяч человек. Послевоенная система управления иммиграцией была установлена в период между 1847 и 1952 гг. Закон об иностранной иммиграции предусматривал, что корейцы должны быть расценены как иностранцы. Дополнительный пункт далее требовал, чтобы в Японии не японцы регистрировались как иностранцы. Японское правительство в 1949 г. сообщало, что вызванная репатриация «нежелательных иностранцев» была применима к корейцам, которые нарушили условия иностранного регистрационного закона, независимо от продолжительности их пребывания в Японии. Так как закон расценивал корейцев как иностранцев, для японского правительства было реальным репатриировать людей, которые формально все еще обладали японской национальностью. В 1951 году был объявлен закон о контроле иммиграции. Он был разработан с целью управления путешественниками в Японию и из Японии, регулирования их статуса проживания. Когда Мирный договор Сан-Франциско вступал в силу в 1952 году, закон 1951 г. был официально применен к корейцам, хотя долгосрочные жители были освобождены от необходимости визы. Тем временем, в 1950 г. вступил в силу Закон национальности, который сохранил патрилиней-

ный принцип. Принцип крови и принцип почвы (приписывание национальности местом рождения) были законными принципами в свете международных юридических норм. Следовательно, контроль иммиграции американского стиля, первоначально разработанный для страны с принципом почвы, был объединен с системой строгого принципа крови. Это мешало иммигрантам приобретать японскую национальность.

Статус национальности корейцев был далее усложнен вследствие разделения Корейского полуострова на два отдельных государства. В 1948 г. оба корейских государства определили своих граждан по критериям. В Южной Корее закон национальности 1948 г. принял принцип крови и поэтому расценил заграничных корейцев как своих подданных. В соответствии с регистрационным законом подданных 1949 г., Миндан – корейская организация в Японии – регистрировал корейцев в Японии. Северная Корея не имела Закона о национальности до 1963 г., хотя система свидетельств гражданства 1946 г. лежала в основе членства в государстве. Из-за отсутствия дипломатических отношений не было официального признания корейской национальности со стороны японского правительства до 1965 г., когда Япония восстановила дипломатические отношения только с Южной Кореей. Первоначально японские правительственные чиновники были готовы дать корейским жителям право выбора относительно японской национальности. Важное изменение политики произошло, когда японское правительство узнало, что Высшее командование союзнических сил (SCAP) определенно не требовало, чтобы пункт права выбора национальности был включен в Соглашение мира Сан-Франциско. В то время, как Соглашение о праве выбора обяжет японское государство принять выбор, сделанный корейцами, его отсутствие позволило бы государству выборочно разрешать натурализацию. 19 апреля 1952 г., за девять дней до того, как мирный договор в Сан-Франциско вступал в силу, японское правительство выпустило положение №438, которое предусматривало одновременную потерю японской национальности корейцами и тайваньцами в результате мирного договора, независимо от места жительства. Критерием использовалась регистрация места жительства: те, кто имел регистрацию в колониях, теряли японскую национальность, даже если они жили в Японии.

Кроме того, положение заявляло, что корейцы были обязаны проходить процесс натурализации так же, как и другие иностранцы, если они желали приобрести японскую национальность. Японская правительственная мера не следовала современным международным юридическим нормам: те люди, которые не приобрели новую национальность, фактически не имели гражданства. Одностороннее урегулирование проблемы национальности было оправдано в соответствии с предположением, что Мирный договор Сан-Франциско, к которому ни одно корейское правительство не присоединилось, подразумевал согласие об изменении нации. Логика заключалась в том, что, так как соглашение гарантировало конец японского контроля над корейской территорией, корейцы не были теперь независимы и, следовательно, были японскими подданными. В 1961 г. Управление Верховного Суда поддержало это официальное представление. Период между 1945 и 1952 гг. имел некоторую параллель с колониальным периодом относительно отношений между японским государством и корейцами в оба периода, проблемы общественной безопасности формировали японскую государственную политику.

В отношениях между национальностью и гражданством произошли изменения. В колониальный период корейцы испытывали неравенство в гражданском статусе вследствие статуса колонизированных, несмотря на то, что они имели статус общей национальности. В послевоенный период статус национальности оправдал их неравенство. Последняя система была основана на логике национального государства: равенство в гражданстве зависит от общей национальности. Закон предотвращал свободный доступ к японской национальности. Претенденты на натурализацию подлежали административному контролю. Для предоставления натурализации были выработаны критерии в 1958 г. В критерии входило принятие японской культуры. Натурализация тесно связана с регистрацией места жительства. Кто бы ни получил японскую регистрацию – японский соотечественник. В результате японская национальность передавалась следующему поколению через регистрацию.

Следующие постулаты налагают особенности на опыт идентификации корейцев в Японии, вступивших в межнациональный брак. Во-первых, корейцы в Японии, имеющие опыт

принудительной вербовки периода военного времени, отчетливо идентифицировали свое будущее с Кореей, однако все еще составляли не доминирующее меньшинство. Во-вторых, именно семья выполняла строгую функцию психологической поддержки корейцев в Японии, живущих в обстановке притеснения и дискриминации. Внутреннюю солидарность корейская семья сохраняла в поддержании языка, обычаев и корейской традиционной еды. В-третьих, уже второе и третье поколение детей в Японии выросли в домах, где члены семьи говорили только на японском языке [9, с. 69]. Корейская патриархальная семья объединяла сыновье благочестие и послушание и имела большую цементирующую силу в семье корейцев в Японии, чем в семье корейцев в Корее. Учитывая языковую ситуацию корейцев в Японии, уже начиная со второго поколения, факт культурной ассимиляции был налицо.

В-четвертых, феномен корейцев в Японии – они имеют два разных имени: японское имя, которым они пользуются, и реальное – корейское традиционное имя. Для бизнеса корейцы в Японии нуждаются в японском традиционном имени. Обыкновенно они используют два разных имени. Между тем новое поколение – учащиеся начальной, средней и высшей школы – декларируют свои корейские имена и как свои собственные, и как имена для школы. В этой ситуации отважные корейские студенты обнародовали корейские имена как идентифицирующих их корейцами. Движения корейской молодежи косвенно поддерживали прокламацию корейских имен в классе. Корейские тинэйджеры в Японии организовали группу молодых студентов для изучения корейского языка и корейской истории по вечерам. Молодые лидеры этих тинэйджерских групп приводили последователей на морское побережье во время летних каникул для специального «тренинга тела и духа» [9, с. 68].

В-пятых, корейцы в этнически гомогенной Японии изо всех сил пытались найти способы поддержать свою этническую и культурную идентичность, в отличие от японского большинства. Существенный аспект этого процесса – выражения корейской этничности ограничены корейскими гражданами в Японии. Корейские организации в Японии помогают корейцам и способствуют поддержанию этничности. Однако их культура была более национальной, гражданской, чем этнической. Натурализованные

люди имели тенденцию жить как японцы, сообщество японских подданных быстро растет за счет увеличения числа натурализованных граждан и вступлению их в брак. С 1980-х годов некоторые корейцы – японские подданные стали более откровенными в выражении своей корейской идентичности. В то же самое время численность корейцев японской национальности быстро росла из-за роста числа натурализаций и смешанных браков [10].

В-шестых, этническая идентичность корейцев как японских подданных вынуждает и корейские национальные организации, и японское общество пересматривать связь между культурной идентичностью и юридической национальностью. С другой стороны, длительное господство национального статуса (гражданского статуса) как символ корейской идентичности в Японии продолжает препятствовать корейцам с японским гражданством, выражать корейскую идентичность [10].

Седьмое. Примеры корейских диаспор в других частях мира выдвигают на первый план понимание проблем, которые стоят перед корейцами в Японии. Корейские иммигранты в США могут написать свою идентификацию «корейский американец», тогда как осмысление «корейско-японской» идентичности кажется намного более трудным. Корейцы в Китае и в бывшем СССР были официально признаны как этническое меньшинство. А их соратники в Японии получили лишь немного общественной поддержки их культурных и образовательных программ, однако были подчинены иммигрантскому контролю как иностранцы [10]. Этнический аспект корейской идентичности тесно связан со значением юридической национальности. Многие корейцы оставались поданными Японии даже в третьем поколении. Главный фактор – правила о принятии японского гражданства, которое присваивалось через происхождение (принцип крови) и иначе было достижимо только через натурализацию. Природа японского закона о гражданстве недостаточна, чтобы объяснить, почему корейцы остаются резидентскими иностранцами. Сами корейцы не требовали японской национальности. Для них это символизировало их опыт принудительной ассимиляции в течение колониального периода, когда они были лишены своего языка и имен. Отказ от японской

национальности был основанием поддержать корейскую идентичность в японском обществе [10, с. 60].

Восьмое. Действие двух главных корейских организаций – «Чонгрюн» и «Миндан» отчетливо иллюстрируют национальный характер корейской идентичности. Прежде всего, членство в них основано на принадлежности к корейскому этносу. Обе организации определили корейцев в Японии как иностранных поданных, а не как будущих граждан страны. Официальная идеология Чонгрюна отклоняет понятие «этническое меньшинство», тогда как Миндан подчеркивает свою патриотическую ориентацию, противопоставляя его членов корейцам в США, которые становились американскими гражданами. С другой стороны, корейское этническое образование, спонсируемое этническими организациями, было важным элементом воспроизводства корейской национальной культуры. «Чонгрюн» управлял целой сетью школ. «Образование в школах Чонгрюна ориентировано на подъем национального самосознания студентов. Студенты изучают корейский язык, культуру, искусство. Этим прививается гордость за свою родину». Школьная система «Миндана» была ограничена только четырьмя школами. «Миндан» активно организовывал различные программы для корейских студентов, посещающих японские школы, они включали субботние занятия, летние сессии, поездки на родину [10, с. 62]. С 1970-х годов корейские группы, вне двух главных ассоциаций, активно боролись против социальной дискриминации и требовали юридических прав как жители японского общества. Большой акцент этой проблемы в пределах Японии был сделан с появлением понятия «Zainichi» (место жительства в Японии). Этот период – срок местожительства в Японии, бросил вызов предыдущему пониманию корейцев о принадлежности к корейской родине. Корейская идентичность младшего по-

коления имела этническое, а не национальное качество. В 1980-е годы корейцев в Японии характеризовал высокий уровень культурной ассимиляции с низким уровнем структурной ассимиляции. В течение колониального периода корейцы были обязаны изучать японский язык, принимать японские названия, имена, оставаясь структурно дифференцированными как колонизированные люди [11, с. 69].

Девятое. Большинство корейцев в современной Японии родились здесь и очень сильно ассимилированы в японскую культуру. Многие из них не говорят на корейском языке и при этом они не являются сведущими в корейских традициях. С изменением их правового статуса как постоянных иностранных резидентов с 1980-х годов уровень структурной ассимиляции повысился. В 1973 г. 50,6% общего количества браков корейцев были браками – «кореец – кореянка». В 1994 г. только 17,5% составляли корейские браки, остальные являлись браками между корейцами и японцами – 81,7% и между корейцами и другими поданными – 0,8% [11, с. 179]. Высокий показатель смешанных браков между корейцами и японцами – важный индикатор прогрессивной ассимиляции, даже при том, что вступление в брак часто ставит брачные пары перед серьезной оппозицией членов семьи и родственников. Тем не менее, межнациональные браки корейцев в Японии – яркий показатель одной из сторон опыта этнической идентификации. На сегодняшний день все большее количество корейцев в Японии видят свое будущее для себя и своих детей в Японии. Все большее количество корейцев, независимо от того, хотят ли они жениться на японке или нет, признаются, что плохи или хорошо, но Япония – их дом. Это еще одно свидетельство того, что число межнациональных браков корейцев в Японии однозначно будет расти.

References

- 1 Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. London, 1968; Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations. – Monterey (Cal.), 1979. – P. 33-47.
- 2 Root M. Racially Mixed People in America. Sage: New York, 1992; Parker D., Miri Song, Rethinking Mixed Race. Pluto Press: Chicago, 2001, Romano R. Race Mixing. Harvard University Press: Harvard, 2003.
- 3 Viner B. E. Mezhpokolennaia peredacha etnicheskoi identichnosti u etnodispersnykh men'shinstv (na primere sovremennogo Peterburga). Diss... kand sotsiol. nauk. SPb., 1998; Ponomarev A. P. Razvitie sem'i

i brachno-semeinykh otnoshenii na Ukraine. Etnosotsiologicheskie problemy. Kiev: Naukova dumka, 1989; Krylova N. L. Prozhogina S. V. "Smeshannye braki". Opyt mezhtsivilizatsionnogo obshcheniia. M. : Institut Afriki RAN. Institut vostokovedeniia RAN, 2002.

4 Susokolov A. A. Mezhnatsional'nye braki v SSSR. M. : Mysl', 1987; Susokolov A. A. Natsional'no-smeshannye braki i sem'i v SSSR. M. : Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia AN SSSR, 1990; Terent'eva L. N. Formirovanie etnicheskogo samosoznaniia v natsional'no-smeshannykh sem'iakh v SSSR. – M.: Sovetskaia sotsiologicheskaia assotsiatsiia, 1974.

5 Spickard P. R. Mixed Blood. Intermarriage and Ethnic Identity in Twentieth Century America. The University of Wisconsin Press: Madison; – London, 1989.

6 Gordon M. Assimilation in American Life. Oxford University Press, New York, 1964.

7 Intermarriage in the United States / Ed. by Kretser G., Leon J. Haworth Press: New York, 1982.

8 Crohn J. Ethnic Identity and Marital Conflict: Jews, Italians and WASPs. American Jewish Committee: New York, 1986.

9 Lee Kwang-kyu Overseas Koreans. – Seoul. 2000. – 260 p.

10 Kashiwazaki Chikako To be Korean without Korean Nationality: Claim to Korean Identity by Japanese Nationality Holders. Korean in Japan: New Dimensions of Hybrid and Diverse Communities // Korean and Korean American Studies Bulletin. Vol. 11, No. 1. 2000. – P. 48-70.

11 Kim Yong-dal Supplement: Commentary and Addition to Statistics // Morito Yoshio The History of Resident Koreans Illustrated by Statistics. – Tokio: Shinkansha. 1995.